

УДК 821.161.1

А.С. СТОРОЖАКОВА

(anna.storozhakova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

МИФОЛОГЕМА ОСТРОВА В ПОЭТИКЕ А.С. ГРИНА*

Статья посвящена исследованию особенностей мифологемы острова в художественном тексте на материале дореволюционных рассказов А.С. Грина «Смерть Ромелинка» и «Дьявол оранжевых вод». Пространство острова предстает в них как место испытаний героев, дающих возможность искупить грехи прежней жизни, духовно преобразиться. Семантическая структура рассказов связана с трансформацией в сознании героев символично-мифологического пространства острова от рая к аду. Фатальный характер их гибели соотносится с рядом философских и эстетических идей рубежа XIX–XX вв., оказавших существенное влияние на мировоззрение и поэтику писателя.

Ключевые слова: А.С. Грин, «Смерть Ромелинка», «Дьявол оранжевых вод», мифологема острова, фольклор, псевдофольклор.

На рубеже XIX–XX в. в поэтике русской литературы значительную роль играли неомифологические тенденции и процессы символизации художественных образов. Эстетика символизма как одного из ведущих течений русского модернизма оказала огромное влияние на творчество многих литераторов Серебряного века. Не остался в стороне от него и А.С. Грин.

Писатель, судя по целому ряду упоминаний в его текстах имен авторов специальных работ по психологии, психиатрии и философии дореволюционных лет, был с ними хорошо знаком. В советское время он даже получил в критике прозвище «ницшеанец» за отражение в своем творчестве ницшеанской идеи сверхчеловека. Уже в его ранних рассказах заметны отзвуки мысли Ф. Ницше, что «под этой действительностью, в которой мы живем и существуем, лежит скрытая, вторая действительность, во всем отличная» [5, с. 24]. В образах писателя находят и влияние философии всеединства Владимира Соловьёва, подвергнутого критике модную в литературе рубежа веков идею сверхчеловека и утверждавшего на примере романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», что «внутренний грех самообоготворения может быть искуплен только внутренним, нравственным подвигом самоотречения» [8, с. 299]. В 1910 г. критик А.Г. Горнфельд писал, что А.С. Грин – «поэт напряжённой жизни... Он хочет говорить только о важном, о главном, о роковом: и не в быту, а в душе человеческой» [3, с. 145–147]), потому что для многих его персонажей жизнь бессмысленна, безблагодатна, а значит им, по словам героя другого романа Ф.М. Достоевского, – «всё дозволено».

Характерной особенностью поэтики ранней прозы А.С. Грина является ее насыщенность образами-символами. Однако символ у писателя содержит не только философские, но и психологические смыслы. Не случайно значительную часть рассказов А.С. Грина называют психологическими новеллами [5].

Говоря о важных символах в произведениях А.С. Грина, стоит обратить внимание на топоним острова, к которому писатель обращался на протяжении всей творческой жизни. В рассказах он играет сюжетообразующую роль и выступает в качестве замкнутого мифологического пространства, в котором герои проходят испытания, решающие их судьбы.

Согласно утверждению Л.И. Горницкой и М.Ч. Ларионовой, «макрокосмическая модель острова как другого мира включает три взаимосвязанных семантических уровня: 1) остров как рай; 2) остров как ад; 3) остров как инициационное пространство» [2, с. 25].

Рассмотрим художественную семантику топонима острова через призму мифопоэтической модели «ад как рай» на материале романтических рассказов А.С. Грина, входящих в сборник «Пролив бурь»: «Смерть Ромелинка» (1910 г.) и «Дьявол оранжевых вод» (1913 г.).

* Работа выполнена под руководством Гольденберга А.Х., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Начнём с рассказа «Смерть Ромелинка». Главный герой, очень богатый человек, не был доволен жизнью и страдал от скуки и тоски. Чтобы избавиться от них, он отправился в путешествие на пароходе, потерпевшем крушение. Ромелинк спасается на коралловом острове, где его ожидает смерть. Анализируемый нами топос фигурирует здесь в двух ипостасях: 1) остров-корабль; 2) остров-остров.

В античных мифах и многих фольклорных текстах хронотопу острова изначально присуща семантика спасения и блаженства («остров как рай»). Так, сначала корабль, а потом остров становятся для Ромелинка убежищем от опасностей: корабль от скуки («Постоянные путешествия и большой запас денег давали ему возможность по временам заглушать в себе холодную тоску духа» [4, с. 378]), а остров от смерти («Голос спасенной жизни заговорил в нем, лицо неудержимо расплылось в улыбке» [Там же, с. 384]). Образ острова в литературе нередко выступает катализатором духовных возможностей человека – в сознании персонажей происходят глобальные психологические изменения. Ромелинк чувствует себя заново рождённым. Он существенно меняется, поэтому обретение смысла жизни связано для героя с разрушением прежних идейных установок и осознанием важности личности и человека («Он не был ни Ромелинком, ни меланхоликом, ни бывшим табачным фабрикантом, а новым, чудесным для самого себя человеком» [Там же, с. 385]).

Однако тоска, недовольство жизнью и готовность отказаться от нее становятся для Ромелинка грехом, сближающим сюжет рассказа с архетипической моделью изгнания из рая. Данный мотив обуславливает все испытания и наказания героя, т. к. нежелание жить для христианина – это очень тяжкий грех (жизнь – дар Божий, отказаться от жизни – отказаться от Бога). Таким образом, топосы корабля и острова одновременно являются для героя блаженной землей смерти и искупления. «Одному и тому же локусу придаются антиномические функции рая и ада» – это «связано со спецификой мифологического мышления славян», т. к. «загробное пространство в дохристианской народной культуре воспринималось как единое и могло служить как раем, так и адом» [2, с. 25]. Из этого следует, что корабль и остров в рассказе – это ещё и образ ада на земле, связанного с мотивами физической гибели и разрушения. Когда герой оказывается в состоянии блаженства, корабль настигает катастрофа, а остров исчезает, забрасывая Ромелинка в водную стихию и убивая его.

Мотив смерти-воскрешения нередко рассматривается как переходное инициационное пространство. Отсюда «мотив «невидимости» острова, его заключенности за метафизической оградой измененного состояния сознания (сна... галлюцинации)» [Там же, с. 37]. Отметим в этой связи, что кораблекрушение началось именно тогда, когда герой спал, а описание самого острова намекает на то, что все происходящее на нем, – это лишь предсмертная галлюцинация, позиционируемая как нечто прекрасное, дающее надежду, чтобы потом отобрать ее и обратить героя в состояние отчаяния. В таком контексте остров предстает читателям как фаталистический символ: что бы ни происходило, героя все равно настигнет наказание за грех.

Таким образом, островной топос в «Острове Ромелинка» – это сложное объединение трех семантических уровней. Сначала и корабль, и остров воспринимаются героем как спасение от тоски/гибели (остров как рай), затем топос становится источником страдания (остров как ад), а в финале выясняется, что остров был шансом на искупление греха и духовное преображение (остров как место инициации), которым герой не воспользовался.

В рассказе «Дьявол оранжевых вод» топос острова имеет сходную символично-мифологическую семантику, но в нем есть и некоторые отличия.

Если остров в «Смерти Ромелинка» нес функцию рая как топоса, дающего убежище и спокойствие, возможность духовно переродиться, то в «Дьяволе оранжевых вод» перед читателем всего лишь красивая картинка, «роскошная тюрьма» [4, с. 393], как ее называет один из героев.

Сам топос острова – уже не изолированное пространство в общепринятом понимании, а удаленная часть суши, на которую высаживают двух безбилетников, Ингера и Баранова. В центре сюжета приключения этих героев, которым надо добраться пешком до города. Тем не менее, «остров» в произведении – это самый настоящий ад на земле. А от понимания, что это всего лишь часть мира, становится только страшнее.

Обратим внимание на лес, через который приходится пробираться героям. В.Я. Пропп, рассматривая тридевятое царство как сказочный образ Царства Небесного, писал о лесе следующее: «Заметим, однако, что как ни прекрасна природа в этом царстве, в ней никогда нет леса» [6, с. 412]. В рассказе А.С. Грина лес, хоть и назван «сказочно-прелестным», скрывает в своих зарослях «кольцо змеи» [4, с. 393], известный образ греха и искушения. Лес наполнен звуками «сдавленного вопля, вздохов, глухого свиста, отдаленного топота» [Там же, с. 397], напоминающими гул мифологического ада.

Герои рассказа – это грешники. Ингер – безбилетник, который может спокойно думать о любых преступлениях. Баранов же – русский политический эмигрант, ожидающий смерти как милости. Однако главный его грех – такой же, как и у Ромелинка, – тоска и уныние, нежелание восхищаться жизнью. Таким образом, остров соотносится с нравственными испытаниями героев, которые либо убивают (как Баранова), либо закаляют и толкают на грех (как Ингера).

Говоря о мифологической стороне рассказа, нельзя не упомянуть об аллюзиях на бога (Ингера) и дьявола (Баранова), придающих топосу острова и конфликту героев космогонический характер. Ингер, беря в руки револьвер, решает, кому жить, а кому умереть. Он испытывает перед своим спутником «суетный трепет» [Там же, с. 391] и идет впереди, то и дело «оглядываясь на ходу» [Там же, с. 396]. Именно Баранов три раза искушает Ингера на грех. Его фразы двусмысленны. Одну из них: «А я вам сделаю предложение иное» [Там же, с. 392], – можно расценивать как сделку с дьяволом, а «Верите вы в Бога?» [Там же, с. 401] – как реминисценцию на «Фауста» Гёте. Сам фаустовский сюжет также просматривается в рассказе, нельзя отрицать и косвенную связь с ветхозаветным мифом о грехопадении человека.

Таким образом, топос острова в ранних рассказах А.С. Грина наделяется мифологическими коннотациями. Пространство предстает как место испытаний героев, дающих возможность искупить грехи прежней жизни, духовно преобразиться. Однако его семантическая структура связана с трансформацией образа острова от рая к аду. Фатальный характер гибели героев соотносится с рядом философских и эстетических идей рубежа XIX–XX вв., оказавших существенное влияние на мировоззрение и поэтику писателя.

Литература

1. Варламов А.Н. Александр Грин. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2008.
2. Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч. Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.
3. Горнфельд А.Г. Рец. на кн. Грин А.С. Рассказы. СПб, 1910. Т. 1. // Русское богатство. 1910. № 3. С. 145–147.
4. Грин А.С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Правда, 1980.
5. Грин А.С. Психологические новеллы / сост., вступ. ст. и примеч. В.Е. Ковского. М.: Советская Россия, 1988.
6. Ницше Фридрих. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2005. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др.; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. 2012.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука, 2020.
8. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 290–323.

ANNA STOROZHAKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE MYTHOLOGEME OF THE ISLAND IN THE POETICS OF A.S. GREEN

The article is devoted to the study of the features of the island's mythologeme in a literary text based on the material of A.S. Green's pre-revolutionary stories "The Death of Romelink" and "The Devil of Orange Waters". The space of the island appears in them as the place of trials of the heroes, giving an opportunity to atone for the sins of their former life, to be spiritually transformed.

The semantic structure of the stories is connected with the transformation in the minds of the heroes of the symbolic and mythological space of the island from heaven to hell. The fatal nature of their death correlates with a number of the philosophical and aesthetic ideas of the turn of the XIX–XXth centuries, which had a significant impact on the writer's worldview and poetics.

Key words: *A.S. Green, "Death of Romelink", "Devil of Orange Waters", the mythologeme of the island, folklore, pseudo-folklore.*